

Ужасное далёко, или Как разные режиссёры видят будущую деградацию человечества

Форма первая: Беспощадная новостная хроника Страшный сказочник Альфонсо Куарон в своей картине «Дитя человеческое» 2006 г. предположил, что в неожиданно наступившем завтра природа, устав-таки от раковой опухоли в лице человека, не станет насыпать метеориты, Годзиллу или зомби-лихорадку, а попросту отнимет у Homo Sapiens репродуктивную функцию, предоставив неутолимой ненависти к ближнему закончить дело.

Форма вторая: Готическая рок-опера Автор разных частей «Пилы» и прочих второсортных «страшилок» Даррен Линн Боусман воплотил идею моральной и физической деградации людей будущего в шедевральной экранизации мюзикла «Генетическая опера» (2008).

Форма третья: Приключенческая ретроспектива подростков Ядовитый сатирик Терри Гиллиам как-то в промежутке между абсурдом «Монти Пайтонов» тоже задумался о будущем человечества. В своём фильме «Бандиты во времени» (1981) он сделал это своеобразным способом — через призму прошлого.

Смерть самого молодого жителя Земли, подлеца лет восемнадцати («Но это был самый молодой подлец на планете!») люди оплакивают как гибель собственного ребёнка, которого у них нет и, скорее всего, уже никогда не будет.

— Вместо шума с игровых площадок в ушах стоит звон отчаяния.

И в этой обстановке появляется девушка-беженка Ки (Клэр-Хоуп Эшити), которая забеременела. Естественно, её мечтают заполучить революционеры, чтобы сделать дитя знаменем борьбы. Правительство тоже протягивает свои когтистые лапы. И только Тео (Клайв Оуэн) помогает ей бескорыстно. Они отправляются в долгий опасный путь, в конце которого мерцает смутная надежда на спасение человечества. Аллюзии к новозаветной истории пришествия мессии проводятся то в трогательно-торжественном, то в ироничном тоне.

— И кто отец?

— Ты дурак! Я девственница!

— Как это?

— Шучу. Фиг их знает. Я не помню имен всех этих ублюдков.

Куарон не особенно заостряет внимание на ужасах трущоб для беженцев, расстрелах, нечеловеческом обращении с людьми. Всё это проходит фоном, где-то за окном автобуса, и вполне напоминает вечерний выпуск новостей или документальную хронику какой-нибудь войны, которая идёт слишком далеко, чтобы в нашей чашке чая стало меньше сахара.

Казалось бы, какое дело людям до того, что больше никто и никогда не родится? Что никто не восхитится Давидом Микеланджело, который возвышается как пятиметровый упрёк человечеству, никто не будет скользить поражённым взглядом по «Гернике» Пикассо? Где то самое неизбежное «после нас хоть трава не расти»? Нет ли в этой тревоге знака, указывающего, что человечество не так уж безнадежно эгоистично? Изменится ли что-нибудь от рождения одного-единственного ребёнка? Ну, раз люди ещё способны верить, что изменится...

По версии Боусмана тело просто откажется служить своим недостойным обладателям. Но тут, как водится, появляется Волшебник Изумрудного Города, который практически безвозмездно, а именно в кредит, готов подарить и горячее сердце, и смыслённые мозги и кишок метров пять в довесок. Волшебником стал владелец мегакорпорации по трансплантации органов «GeneCo» Ротти Ларго (Пол Сорвино). Он же придумал, как взимать долги с неплатежеспособных заёмщиков: нет денег заплатить за печень, будьте добры вернуть печень обратно. Так появилась востребованная профессия коллектора неоплаченных органов, одного из которых сыграл Энтони Хэд (он играл однажды библиотекаря-наставника в «Баффи»). Нейтан — человек с трагическим прошлым и двойным настоящим, который потрошит в подвале должников безжалостной корпорации, поёт пропитанные злобой и удушающей любовью песни, а его жертва угодливо подтягивает на бэк-вокале.

Рекламный слоган «GeneCo», озвученный давно уже не слепой Слепой Мэг (Сара Брайтман, между прочим!) и трактуемый буквально, воспринимается словно издевательство: «Ведь главное — внутри». Но здесь не то главное — душа, помыслы. Главным здесь становится плоть, органы. Куски мяса, выбираемые не менее придирчиво, чем блюда в ресторане. Просто ещё один способ удовлетворить человеческую алчность. Всё связанное с трансплантацией органов показывается не в стерильной обстановке операционной, а в грязных закоулках и подвалах. Плоть повсюду. Живая, извивающаяся, соблазнительная плоть генторов (этаких медсестёр в лучших порно-традициях); расчленённая, взвешенная, оценённая плоть для продажи; мёртвая плоть, из которой делают зидрат — «лекарство XXI века», обезболивающее жизнь.

Льётся галлонами бутафорская кровь с бутафорскими сгустками, вместо хлеба толпе раздают внутренности, а в качестве зрелища показывают кровавую баню. Мрачный готический город оскверняется преступлениями против человечности, но одни празднуют, радуясь своим шитым из клочков красоте и здоровью, другие, отпраздновав, отправляются на кладбище, чтобы превратиться в ядовито-голубой наркотик, лекарство от тоски любого вида. Единственным лучом света в тёмном царстве остаётся дочь Нейтана Шайло, которую, к сожалению, совершенно бездарно сыграла Алекса ПенаВега. Шайло до поры до времени не догадывается, в каком офисе работает папа, полна идеализма и желания творить свою судьбу самостоятельно. Она-то и поставит под угрозу существование империи потрохов, принадлежащей семье Ларго.

Какие открытия могли бы сделать учёные, будь у них машина времени! Какие бесценные сведения можно было бы получить. Однако если группе алчных карликов попадёт в руки бесценный артефакт, позволяющий путешествовать во времени, их будут заботить вовсе не исторические загадки, а грабёж, грабёж и ещё раз грабёж.

— Как давно вы занимаетесь разбоем?

— 124 сантиметра.

Из краткого обзора пьяного Наполеона (Иэн Холм) мы узнаём, что все выдающиеся властители были невелики ростом. Да, карлики правят историей! Но не только они. На фоне низкого роста и душой возвышается микенский царь Агамемнон (Шон Коннери). И мальчику Кевину (Крэйг Варнок), попавшему в пёстрый круговорот эпох, предстоит выбрать: остаться карликом, маленьким человеком с маленькими устремлениями, или вырасти до героя, которому предстоит свершить... Герою всегда предстоит что-то свершить.

Ирония различной толщины, с которой Гиллиам рушит исторические стереотипы, никого не обманет. История для него не наука, а скопление будоражащих фантазию сказаний. Интерес к прошлому — барометр, показывающий, насколько живо настоящее, способно ли оно к развитию, творческому созиданию. И Гиллиам далеко не лестного мнения о настоящем, в котором человек потерял человека и обрёл микросхему. Настоящее, в котором высохла романтика прошлого, а осталось ровное желание бесконечно потреблять. Настоящее, в котором никто не оглядывается назад.

Истина в том, что богу интереснее слизняки и разновидности попугаев, чем лазеры и ядерное оружие. Антагонизм добра в лице Всевышнего и зла в лице Главного Злодея, превращается в антагонизм прошлого (культуры) и будущего (технологий). В своём фильме Гиллиам предупреждает: однажды наступит день, когда телевизор заменит нам лучшего друга, микроволновая печь — жену, компьютер — жизнь. День, когда полностью автоматический кухонный центр станет величайшем сокровищем в мире. Может быть, страшное будущее только приближается, и есть ещё время выбежать из горящего дома, а может быть, оно уже наступило, и мы остались под дымящимися обломками.

Несмотря на мрачный тон повествования, я считаю все три фильма позитивно заряженными. В каждом из них находится как минимум одна светлая душа, чьи стремления и мысли идут вразрез с устоями общества будущего, того общества, в котором мы с вами жить не хотим. Идейную составляющую этих картин я бы выразила следующим образом: решайте, пока ещё можете решать, думайте, пока от этого есть прок, сомневайтесь, пока у вас есть такая привилегия. И смотрите хорошее кино.

[Часть 1: Форма первая: Беспощадная новостная хроника](#) [Часть 2: Форма вторая: Готическая рок-опера](#) [Часть 3: Форма третья: Приключенческая ретроспектива подлостей](#)